

УДК 82.0 (470 + 470.62/.67)

ББК 83.3 (2=Рус)

С 90

Сурхаева А. А.

Соискатель кафедры литературы и журналистики Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, бухгалтер отдела образования Администрации Карачаевского муниципального района, e-mail: Asurkhaeva@yahoo.com

**Проблема свободы личности в русской и северокавказской
прозе: современное видение
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается рефлексия традиций в художественном творчестве. Показан процесс преемственности, а также способы воссоздания национальной картины мира и национального характера. Отмечается, что исследование концепта «свобода» дает возможность выявить многообразнейшие связи языка с мышлением и духовной культурой. Установлено, что сопоставление произведений писателей с разными эстетическими системами открывает социально-нравственную и духовную близость исканий.

Ключевые слова:

Трансляция культуры, свобода, личность, менталитет, концептосфера, парадигма, преемственность.

Surkhayeva A.A.

Applicant for Candidate's degree of Literature and Journalism Department, U.D. Aliyev Karachay-Cherkessky State University, the accountant of Education Department at Administration of the Karachay municipal area, e-mail: Asurkhaeva@yahoo.com

**Personal freedom in the Russian and North Caucasian prose:
modern vision**

Abstract:

The paper discusses reflection of traditions in art creativity. The author shows the continuity process, as well as ways of a reconstruction of a national picture of the world and national character. It is noted that research of «freedom» concept gives an opportunity to reveal the most diverse relationships of language with thinking and spiritual culture. It is inferred that comparison of works of writers with different esthetic systems discloses social, moral and spiritual proximity of searches.

Keywords:

Culture translation, freedom, personality, mentality, concept sphere, paradigm, continuity.

Проблема свободы личности (способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями) является ключевой проблемой каждой литературы на разных этапах ее развития. Концепт «свобода», как особая единица ментальности горца, является ключевой для понимания национального менталитета

– специфического отношения к миру, особого мировидения, которое накладывает отпечаток на поведение человека. Сюжетный мотив похищения, пленения, заточения – любого лишения свободы, как и последующего преодоления, избавления от неволи, вообще свойственен «для сказочного и несказочного эпоса и песенной лирики всех северокавказских народов... истинно свобода подразумевала человека как существо общественное, социальное, словом – личность» [1: 33,35].

Кавказ для прогрессивно настроенного русского человека с начала XIX века всегда символизировал волю, неограниченность передвижения, свободу, хотя примерно с этого же времени Кавказ для России становится противоположностью этих понятий – местом ссылки, штрафной армейской службы. Можно наблюдать образную репрезентацию концептов «свобода» / «воля» в кавказской концептосфере А.С. Пушкина [1]. В «Кавказском пленнике» Пушкин повествует об участии в войне горских народов, отдавая должное их героизму и мужеству, однако автор не показывает своих героев в состоянии рефлексии, или же они не анализируют суть Кавказской войны, не задумываются о социальной несправедливости, в том числе и в отношении к горским народам. Автор акцентирует внимание читателя на обобщенном и значимом образе пленника и «вечном» образе Кавказа. Образы горцев носят в поэме общеромантический характер и отсюда в сознании русского читателя складывается абстрактное представление о национальной культуре коренных жителей [3].

Как показывают работы П.Рикера, в своей, исторической жизни символ неизбежно «умирает», превращаясь либо в застывшую аллегория, либо в языковое клише. В таком случае для понимания его смысла достаточно знания «кода», то есть «закона, эквивалентности между значимыми контрастами, которые принадлежат нескольким планам: географическо-

му, метеорологическому, зоологическому, ботаническому, техническому, экономическому, социальному, ритуальному, религиозному, философскому» [3].

К тому же в романтических произведениях не ставилась задача показа реальной правды о Кавказе. Но в «Кавказском пленнике» Пушкину удалось создать кавказскую атмосферу, показать национальную специфику характера и высказать свое отношение: *«И смолкнул ярый крик войны, / Все русскому мечу подвластно. / Кавказа гордые сыны, / Сражались, гибли вы ужасно»*. Некоторая риторичность присутствует в четверостишии, но в этом эмоциональном пафосе ощущается сочувствие к горцам, понимание их чувства малой родины.

Позже имперская риторика исчезнет из произведений М.Ю. Лермонтова о Кавказе («Валерик»), но смысловая наполненность созвучна А.С.Пушкину:

*Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет! Небо ясно,
Под небом места много всем.
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?*

Колонизаторская «верхушка» в своих корыстных целях разжигала национальную рознь, и Лермонтов, в то время еще не понимающий политику царизма в полной мере, постарался поэтической речью выразить общечеловеческую мысль о бессмысленности вражды между народами разных национальностей. Он в раскрытии темы Кавказа сохранил традицию собрата по перу, поэтому общее, что связывало писателей, рассказывающих о Кавказе, было воспевание свободы и вольнолюбия горцев.

Русские классики, обращавшиеся к кавказской теме, наиболее продуктивно разрабатывали два сюжета: сюжет о горце, близко столкнувшемся с русской культурой, и сюжет о русском, оказавшемся в плену на Кавказе. В большинстве эти сюжеты выступают как парные: у А.С. Пушкина – «Кавказский пленник» и «Та-

зит», у М.Ю. Лермонтова – «Кавказский пленник» и «Измаил-Бей», (особый статус имеет поэма «Мцыри», где пленником оказывается горец), у А.А. Бестужева-Марлинского – «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» и «Аммалат-бек».

Выдающиеся классики русской литературы изучали историю, фольклор, нравы и обычаи горских народов, и кавказская действительность нашла отражение в их художественном творчестве. Так к середине XIX века появились реалистические произведения Л. Толстого о кавказской жизни. В «Кавказском пленнике» Л. Толстого (преимущество сохраняется и в названии) автор представил колоритные пейзажные картины, описал быт и нравы северокавказских горцев, дал представление об интерьере и национальной одежде, и, что самое главное, – смог передать чувства симпатии, возникшие между русским солдатом и простыми горцами. Писатель глубоко понимал горцев, уважал их обычаи, относился к ним с сочувствием. Повесть Л.Н. Толстого «Хаджи - Мурат» опирается преимущественно на дагестанский фольклорный и этнографический материал, является близкой горской народной традиции и по своему содержанию, и по форме. Дагестанский фольклор в «Хаджи-Мурате» использовался великим писателем как одно из средств создания и раскрытия образов горцев, развития сюжета и формирования композиции всей повести. В своей поздней одноименной повести Л.Н. Толстой показал горца Хаджи-Мурата как противоречивый, но цельный характер. Хаджи-Мурат в описании русского писателя представлен как психологически емкий образ [4]. Оказавшись в плену, герой вынужден был сделать непростой для него выбор. Толстой, вопреки своей концепции непротivления злу насилием, своего героя Хаджи-Мурата реалистически показал бунтарем, поборником свободы и мятежником, сочувствовал ему и в какой-то мере оправдывал.

Следует подчеркнуть, что Л.Н.Толстой во введении к повести «Хаджи-Мурат» уже сформулировал главную мысль: все живое до последних сил, до последнего вздоха должно бороться за жизнь, сопротивляться тем силам, которые калечат, уродуют, убивают жизнь. Хаджи-Мурат – храбрый воин, талантливый полководец, гордый, независимый человек, не позволяющий себя унижить, обмануть (соотношение портретных деталей синтагматически растворяется). И в то же время окружающие подчеркивают в Хаджи-Мурате добродушие, приветливость, особенную детскую улыбку, которая осталась на лице даже после смерти. Портретная семантика держится на нескольких осях смысла. И, действительно, повесть русского писателя-классика помогает современной горской молодежи осознать нравственные ценности, особенно понять состояние свободы, осмыслить свое отношение к действительности, воспитывает непримиримость к злу, к войне. «Кем бы мог стать Хаджи-Мурат, если бы не было войны?» – возникает мысль у нашего современника. Толстовская личность включена в систему мира, а мир реализуется в человеческой жизни. Автором показано становление личности в чужой среде, при сохранении собственной «национальной уникальности».

Возникает вопрос: ради кого и ради чего он погибает? Николай и Шамиль ограничили его свободу для поддержания своей неограниченной власти. Смысловое ядро образа – свобода. Хаджи-Мурат не смог отказаться от свободы, платой за которую стала его жизнь. К этому Толстой приходит через мировоззренческие поиски, перешагнув через противоречия добра и зла. Толстой-художник заставляет современного человека, вникнув в глубину текста, относиться к себе и окружающим людям строже, быть скромным, ставить высокие требования к жизни, видеть людей простыми, свободными, с высокими моральными качествами и гармоничными.

Во время этой войны Кавказ воспринимался русскими прогрессивными писателями как пространство воинственной свободы, вдвойне ценной для романтического героического сознания, и, описывая горцев, они акцентировали внимание на их менталитете. При определении подходов к изучению понятия ментальность, менталитет (лат. *metis* - мысль, представление, духовность, характер) через проникновение в значение языковых единиц становится ясно, что это специфическое духовное образование, система устойчивых взглядов, представлений и принципов, которые раскрывают способ понимания и оценки человеком действительности, его ориентацию в мире, образ мышления. Ментальность определяют как тип сознания, присущий той или иной человеческой общности. Как известно, от менталитета зависит видение мира, приемы освоения действительности, коллективные психологические установки, т.е. это имплицитные, неявные модели и навыки сознания и поведения.

Горный космос способствует созданию особого мировидения, мироощущения, определяет ментальные установки и стереотипы. Уникальность и целостность кавказской цивилизации заключается в том, что в этом историко-культурном и географическом пространстве присутствует своя особая система традиций и обычаев, в которой высоко ценятся честь, достоинство, мужество и свобода.

Свойственное народам Кавказа уважение к традициям, историческая память, сконцентрированная в мифах, эпосе, обусловили формирование особого горского менталитета, включающего в себя свободолобие, отсюда характерная вспыльчивость, эмоциональность и, вместе с тем, признание авторитета старейшин и соблюдение этикетно-ритуальных норм, закрепленных в своеобразных этических горских кодексах.

Трансляция культуры осуществляется на субъектном уровне. Характер-

ная для русской классической литературы XIX века (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, А.И. Полежаев) и конца XX века (В.С. Маканин - «Кавказский пленный» (1997), А.Г. Битов – «Кавказский пленник» (2007)) тема кавказского плена нашла свое продолжение в национальных литературах. Адыгейский писатель И.Ш. Машбаш в дилогии «Два пленника» (1995) объединил повести «Фидур» и «Афипса», связанные как общей для двух произведений темой, так и общим персонажем. Ногайский прозаик И.С. Капаев ввел в качестве вставного элемента в роман «Отражение» (1996) рассказ «Хота и Мария», впоследствии включенный и в книгу «Уплывающие тени». Северокавказские прозаики попытались по-своему осмыслить тему кавказского плена и связанные с ней проблемы. Художественные поиски современных писателей проявляются в жанровой модификации произведений, трансформации концептных сфер (времени, вещественности, пространства). Авторы используют такие приемы, как смещение пространственных и временных пластов, перевоплощение героев и т.д., но при всей активности писателей в области формы, эксперимент для них не был самоцелью: и обстоятельства, и описываемые характеры разные. Главное для писателя - это проникновение в их внутренний смысл, улавливание сути отношений, направленности сознания и его связи с подсознанием.

В последнее время внимание исследователей всё чаще привлекает область межнациональной коммуникации в аспекте антропоцентрической парадигмы: каким человеком предстал перед русским писателем горец как явление принципиально иного типа культуры, сформированного горами, специфической средой, и чем этот художественный опыт оказался полезным самим национальным писателям. Основа национального менталитета - образ мышления как отдельной личности, так и нации, главная составляющая которой – сво-

бода. «Кавказский» тип личности, исходя из наблюдений, – это ментальный «код», который воплощает в себе свободолобие, умение в конечном итоге контролировать свои эмоции и сохранять оптимистический взгляд на жизнь при всех вызовах, которые может бросить им эта суровая, но родная для них земля.

Итак, поставленные нами вопросы, приводят к выводу, что как ментальная единица концепт «свобода» объективизируется в национальном сознании. Исследование проблемы свободы личности дает возможность выявить многообразнейшие связи языка с мышлением и духовной культурой.

Примечание:

1. Катаева Н.М. Воля // Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
2. Чанкаева Т.А. Русские писатели о горской ментальности // Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета. 2000. № 3. С. 122-132.
3. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 2002. 60 с.
4. Бурнусузян А.П., Сосновский В.Т. Интерпретация дагестанских народных приветствий в повести Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2008. Вып. 2.

References:

1. Katayeva N.M. The will // Anthology of concepts. Volgograd: Paradigm, 2005. 352 pp.
2. Chankayeva T.A. The Russian writers about the mentality of mountain dwellers // The Bulletin of Karachay-Cherkess state teachers' training university. 2000. No. 3. P. 122-132.
3. Ricoeur P. The conflict of interpretations. M., 2002. 60 pp.
4. Burnusuzyan A.P., Sosnovsky V.T. The interpretation of the Dagestan folk greetings in L.N. Tolstoy's story «Khadzhi Murat» // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2008. Iss. 2.